

Максимилиан Александрович Волошин

LUNARIA Венок сонетов

1

Жемчужина небесной тишины
На звёздном дне овьюженной лагуны!
В твоих лучах все лица бледно-юны,
В тебя цветы дурмана влюблены.

Тоской любви в сердцах повторены
Твоих лучей тоскующие струны,
И прежних лет волнующие луны
В узоры снов навеки вплетены...

Твой влажный свет и матовые тени,
Ложась на стены, на пол, на ступени,
Дают камням оттенок бирюзы.

Пдатана лист на них ещё зубчатей
И тоньше прядь изогнутой лозы...
Лампада снов, владычица зачатий!

Maximilian Alexandrovich Voloshin

LUNARIA A sonnet of sonnets

1

O pearl unrivalled of the silent sky
set in the teeming regions of a starry deep!
All faces wear youth's pallor in Your light;
madapple, love-struck, gapes at You with maniac eye.

Your radiant corridors of light, Your plangent chords
evoke the heart-ache in all lovers sighing;
the troubling moons of former years are ever
woven in the texture of our dreaming.

Your mellow luminescence, softened tones,
that fall on walls, on floor, on steps,
impart a gentle touch of turquoise to the stones;

the plane-tree foliage bears a sharper tooth;
more slender seem the laden branches of the vine.
O sacred lamp of dreams, Mistress of births!

Лампада снов! Владычица зачатий!
 Святильник душ! Таинница мечты!
 Узывная, изменчивая – ты
 С невинности снимаешь воск печатей,

Внушаешь дрожь лобзаний и объятий,
 Томишь тела сознаньем красоты
 И к юноше нисходишь с высоты
 Селеною, закутанной в гиматий.

От ласк твоих стихает гнев морей,
 Богиня мглы и вечного молчанья,
 А в недрах недр рождаешь ты качанья.

Вздуваешь воды, чрева матерей,
 И пояса развязываешь платий,
 Кристалл любви! Алтарь ночных закланий!

O sacred lamp of dreams, Mistress of births!
 Lantern of souls! Trysting-place of all desire!
 Seductive and capricious one! Guiltless Yourself,
 You unpick the wax of seals, break the plighted troth,

urge the quivering kiss, the hot embrace,
 tease the flesh with beauty's apparition
 and visit from on high the callow youth,
 just as cloaked Selene came to Endymion.

Your caresses calm the ire of seas.
 Queen of eternal, silent darkness;
 'tis You who ferment motion in the nether deeps.

You conjure swelling seas and mothers' wombs;
 You loosen the restraint of girdled garb.
 Love's crystal! Altar of nocturnal vows!

Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!
 Хрустальный ключ певучих медных сфер!
 На твой ущерб выходят из пещер,
 Одна другой страшнее и косматей,

Стада Эмпуз; поют псалмы проклятий,
 И душат псов, цедя их кровь в кратер.
 Глаза у кошек, пятна у пантер
 Становятся длиннее и крылатей.

Плоть призраков есть ткань твоих лучей,
 Ты точишь камни, глину кирпичей;
 Козел и конь, ягнята и собаки

Ночных мастей тебе посвящены.
 Бродя в вине, ты дремлешь в черном маке,
 Царица вод! Любовница волны!

Love's crystal! Altar of nocturnal vows!
 Pellucid source of the symphonic spheres!
 Yet malice stirs the hideous Empusa swarm,
 each more repulsive than the next, they seek Your harm;

from caves they come with cursing psalms on tongue,
 they strangle dogs and mix their blood for drink.
 She-devils all, like leopards blotched, with feline eyes,
 ever they grow more insect-like and winged!

The flesh of ghosts is woven by Your rays.
 You wear away the rocks, the roof-tile clays.
 Many creatures owe their sacredness to You:
 the goat, the horse, the black dog and the lammergeier.

Yours the drowsy poppy; yours the fermenting of wine!
 Empress of the waters! The fond wave's concubine!

Царица вод! Любовница волны!
 Изгнанница в опаловой короне,
 Цветок цветов! Небесный образ Иони!
 Твоим рождением женщины больны...

Но не любить тебя мы не волны:
 Стада медуз томятся в мутном лоне
 И океана пенистые кони
 Бегут к земле и лижут валуны.

И глубиной таинственных извивов
 Качания приливов и отливов
 Внутри меня тобой повторены.

К тебе растут кораллы тёмной боли,
 И тянут стебли водоросли воли
 С какой тоской из влажной глубины!

Empress of the waters! The fond wave's concubine!
 Your crown of opal shows the exiled queen.
 O Flower of flowers! That fecund spot writ in the sky!
 Your monthly birth gives the tribe of women pain...

We have no power to refuse You love.
 Medusas throng the ocean's troubled bosom;
 sea-horses jostle one another to the shore,
 eager to lick the smooth-worn rocks of yore.

The arcane windings of the ever-changing tides,
 the restless motions of the ebb and flow:
 in mine own self You reproduce them all.

You cultivate the corals with their hidden grief;
 to You the sea-wrack stretches out its fronds
 with urgent longing from the mothering depths!

С какой тоской из влажной глубины
 Всё смертное, усталое, больное,
 Ползучее, сочащееся в гное,
 Пахучее, как соки белены,

Как опиум волнующее сны,
 Всё женское, текучее, земное,
 Всё тёмное, всё злое, всё страстное,
 Чему тела людей обречены, --

Слепая боль поднятой плугом нови,
 Удушливые испаренья крови,
 Весь Океан, пленённый в руслах жил,

Весь мутный ил задушенных приятий,
 Всё, чем я жил, но что я не изжил –
 К тебе растут сквозь мглу моих распятий.

With urgent longing, from the mothering depths,
 all that's mortal, sick and weary rises;
 all that creeps and seeps and festers,
 and the henbane's fetid fumes.

So too the opium that troubles dreams,
 all that's female, flowing, earthy,
 all that's devious, dark, impassioned:
 this the doom on mankind fashioned.

Blind pain of ploughed-up virgin land,
 the nauseous reek of blood new-let;
 Oceanus trapped inside the body's veins,
 the cloying pleasures I've not outlived as yet. –

My crucifixions come, and from their depths below
 to You, Luna, these deep-down things like flowers grow.

К тебе растут сквозь мглу моих распятий
 Цветы глубин. Ты затеплила страсть
 В божнице тел. Дух отдала во власть
 Безумью плоти. Круг сестёр и братьев

Разъяла в станы двух враждебных ратей.
 Даров твоих приемлет каждый часть...
 О, дай и мне к ногам твоим припасть!
 Чем дух сильней, тем глубже боль и сжатей...

Вот из-за скал кривится лунный рог,
 Спускаясь вниз, алея, багровея...
 Двурогая! Трёхликая! Афея!

С кладбищ земли, с распутий трёх дорог
 Дым чёрных жертв восходит на закате –
 К Диане бледной, к яростной Гекате!

To You, Luna, these deep-down things like flowers grow.
 You inflame passion in the body's shrine;
 betray our human will to unthinking flesh
 and in the family circle seeds of discord sow:

You send to warring factions sister, brother,
 and yet all, willy-nilly, share Your gifts...
 O let me too fall at Your feet! A stronger heart
 can stand a sharper pain, a deeper-probing dart.

See! The sickle Moon emerges from the mountains,
 in crimson, purple, to sink again -
 Two-horned one! Three-faced sorceress! Aphaia!

From cemet'ries of earth, where three roads separate,
 smoke from blackened victims curls up to sunset,
 to pale Diana, furious Hecate!

К Диане бледной, к яростной Гекате
 Я простираю руки и мольбы:
 Я так устал от гнева и борьбы –
 Яви свой лик на мертвенном агате!

И ты идёшь, багровая, в раскате
 Подземных гроз, ступая на гробы,
 Трехглавая, держа ключи судьбы,
 Два факела, кинжалы и печати.

Из глаз твоих лучатся смерть и мрак,
 На перекрестках слышен вой собак,
 И на могильниках дымят лампы.

И пробуждаются в озерах глубины,
 Точа в ночи пурпуровые яды,
 Змеиные, непрожитые сны.

To pale Diana, furious Hecate
 my hands and prayer I purify,
 sore weary of dissension, wrath and hate:
 O imprint Your features on the lifeless agate!

In crimson clad, You walk amid the peals
 of subterranean thunder, tread the graves;
 Three-headed One, You hold the keys of fate,
 bearing torches, daggers and seals.

Your eyes shine with all that's death and dark;
 at the crossroads we hear dogs bark;
 and grave-lamps smoke in the burial-fields.

Bottomless, in the nether world, lie the dismal lakes.
 From thence, at night, distilling purple poisons,
 stillborn dreams awake and rise, like snakes.

Змеинные, непрожитые сны.
 Волнуют нас тоской глухой тревоги.
 Словами змия: «Станете, как боги!»
 Сердца людей извечно прожжены.

Тавром греха мы были клеймлены
 Крылатым стражем, бдящим на пороге.
 И нам, с тех пор бродящим без дороги,
 Сопутствует клеймленный лик Луны.

Века веков над нами тяготело
 Всетемное и всестрастное тело
 Планеты, сорванной с алмазного венца.

Но тусклый свет глубоких язв и ссадин
 Со дна небес глядящего лица
 И сладостен, и жутко безотраден.

Stillborn dreams, like snakes, awake and rise.
 We're plagued by stifling melancholy.
 "You shall be as gods!" the serpent's foul device
 burns forever in the anxious hearts of men.

The winged angel-guard and Keeper of the Gate
 branded us with the mark of sin. Since then,
 deprived of course and bearing, we wander on,
 the branded face of Luna our lone companion.

For aye the planet's body is weighed down,
 darkened perpetually and a slave to passion,
 torn by violence from its diamond crown.

Troubled and opaque the light that looks upon us
 through scars and abrasions from the skies' end.
 It fascinates, but leaves us cheerless.

И сладостен, и жутко безотраден
 Безумный сон зияющих долин.
 Я был на дне базальтовых теснин.
 В провал небес (о, как он емко-жаден!)

Срывался ливень звёздных виноградин,
 И солнца диск, вступая в свой притин,
 Был над столпами пламенных вершин,
 Крылатый и расплёсканный – громаден.

Ни сумрака, ни воздуха, ни вод –
 Лишь острый блеск гранитов, сланцев, шпатов.
 Ни шлейфы зорь, ни веера закатов

Не озаряют чёрный небосвод, -
 Неистово порывист и нескладен
 Алмазный бред морщин твоих и впадин.

It fascinates, but leaves us cheerless,
 this vacant stare of lunar valleys.
 I've trod these basalt canyons here on earth
 and witnessed star-bursts like a hail of grapes,

pouring down the heavens' voracious chasm.
 I've seen the sun's disk climb to dizzy height,
 perched on columnar mountain summits,
 winged, splashed in flame -- and vast.

But for You there's neither water, air nor twilight;
 only the dazzling schists and spar and granite.
 No trailing dawns, no feathering fans at sunset

illuminate the pitch-black firmament.
 Hideously shapeless, scarred and violent
 the diamond chaos of Your furious face.

Алмазный бред морщин твоих и впадин
 Томит и жжёт. Неумолимо жёстк
 Рисунок скал, базальтов чёрный лоск,
 Строенье арок, стрелок, перекладин.

Вязь рудных жил, как ленты пёстрых гадин,
 Наплывы лавы бурные, как воск,
 И даль равнин, как обнажённый мозг...
 Трёхдневный полдень твой кошмарно-страден.

Пузырчатые осыпи огня
 Сверкают в нимбе яростного дня,
 А по ночам над кратером Гиппарха
 Бдит «Volva» - неподвижная звезда,
 И отливает пепельно-неярко
 Твоих морей блестящая слюда.

The diamond chaos of Your furious face
 exhausts and sears us. Implacable,
 cruel the craggy edge, black basalt glaze,
 the texture of arch and vault and lintel;

Your veins of iron ore, ribbons serpentine
 of varied hue, wax-like flows of wanton lava;
 vast expanse of deserts, like a naked brain.
 Your three-day noon's a busy nightmare!

Igneous bubbles blink at us through the
 nimbus cloud of frenzied, sunlit passion.
 At night above Hipparchus' crater
 the fixed star Volva keeps her watch;
 then flows forth, indistinct and ashen,
 the shining mica of Your spectral seas.

Твоих морей блестящая слюда
 Хранит следы борьбы и исступлений,
 Застывших мук, безумных дерзновений,
 Двойные знаки пламени и льда.

Здесь рухнул смерч вселенских «Нет» и «Да».
 От Моря Бурь до Озера Видений,
 От призрачных полярных взгромождений,
 Не видевших заката никогда,

До тёмных цирков Mare Tenebrarum –
 Ты вся порыв, застывший в гневном яром.
 И страшный шрам на кряже Лунных Альп.

Оставила небесная секира.
 Ты, как Земля, с которой сорван скаल्प, -
 Лик Ужаса в бесстрастности эфира!

The shining mica of Your spectral seas
 reveals the wasting of revolt and battle;
 strangling torture we see, and mindless malice,
 the twofold characters of flame and ice.

Antagonism, ruinous, the eternal “No” and “Yes”!
 from the Visionary Isle to the Sea
 of Storms, from phantom polar vastnesses
 that never saw the sun set or felt its warmth,

to the sombre circuses of Mare Tenebrarum:
 You’re extinguished utterly in the crucible of wrath.
 How terrible the scar that forms the Lunar Alps!

Pole-axed from the sky: the final blow.
 You, like Earth, from whom Yourself were scalped,
 wear the Face of Horror in the unfeeling ether!

Лик Ужаса в бесстрастности эфира –
 Вне времени, вне памяти, вне мер!
 Ты кладбище немислимых Химер,
 Ты иверень разбитого Потира.

Зане из сонма ангельского клира
 На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
 Восстал в веках Денница-Люцифер,
 Мятежный князь Зенита и Надира.
 Ваяя смертью глыбы бытия,
 Из статуй плоти огненное «Я»
 В нас высек он; дал крылья мысли пленной,

Но в бездну бездн был свергнут навсегда.
 И остов недосознанной вселенной –
 Ты вопль тоски, застывший глыбой льда.

The Face of Horror in the unfeeling ether!
 Beyond time, or memory, or measure,
 You are the graveyard of fabled Chimeras,
 fragment of a once-noble, now shattered Chalice.

And why? – Amid the angelic choirs arose
 revolt against the might of God, Creator
 of the unsouled spheres: Lucifer, named The Dawn,
 rebel prince of Zenith and Nadir,
 sculpting to death formless blocks of being,
 carving in us -- fleshly statues -- the fiery I.
 He it is gave wings to fettered thought.

Yet in the deepest depths he's forever overthrown.
 A relic of the inconscient universe You must remain:
 frozen to a block of ice You make your moan!

Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!
 Сплетенье гнева, гордости и боли,
 Бескрылый взмах одной безмерной воли,
 Среди судорог погасшая звезда.

На духов воль надетая узда,
 Грааль борьбы с причастьем горькой соли.
 Голгофой душ пребудешь ты, доколе
 Земных времен не канет череда.

Умершие, познайте слово Ада:
 «Я разлагаю с медленностью яда
 тела в земле, а души на луне».

Вокруг Земли чертя круги вампира,
 И токи жизни пьющая во сне –
 Ты жадный труп отвергнутого мира!

Frozen to a block of ice, You make your moan!
 - a convulsed knot of anger, pride and pain;
 one sole will, futile in its wingless flappings;
 one faltering star extinguished in dire spasms.

In You we see a bridle on imperious will:
 the Grail of battle holds communion with bitter salt.
 You are the Golgotha of souls until
 the sad sequence of wintry times is told.

Ye mortals, hear and know the word from Hell:
 'With quick and lethal poison I consign
 bodies to the clay and souls to the Moon.'

You circumscribe the Earth with vampire circles
 and, while we sleep, You suck our very sap of life!
 O corpse insatiable of a world forlorn!

Ты жадный труп отвергнутого мира,
 К живой земле прикованный судьбой.
 Мы, связанные бунтом и борьбой,
 С вином приемлем соль и с пеплом миро.

Но в день Суда единая порфира
 Оденет нас – владычицу с рабой.
 И пленных солнц рассыпется прибой
 У бледных ног Иошуа Бен-Пандира.

Но тесно нам венчальное кольцо:
 К нам обратив тоски своей лицо,
 Ты смотришь прочь неведомым нам ликом,

И пред тобой, - пред Тайной глубины,
 Склоняюсь я в молчании великом,
 Жемчужина небесной тишины!

O corpse insatiable of a world forlorn,
 yet bound by Destiny to the living Earth!
 We, joined in dire struggle and revolt,
 receive our chrism with ashes and our wine with salt.

Yet on the Day of Judgment we'll wear naught
 but porphyry, the blessed lady and her slave.
 The surf of tributary suns will lave
 the paly feet of Yeshua ben Pandera.

Constricting is the nuptial ring to us:
 You first show us Your face of sorrows,
 then look away, with countenance aloof.

In Your presence, deepest Mystery,
 I make obeisance and hold my peace.
 O Pearl unrivalled of the silent sky!

Жемчужина небесной тишины,
 Лампада снов, владычица зачатий,
 Кристалл любви, алтарь ночных заклятий,
 Царица вод, любовница волны.
 С какой тоской из влажной глубины
 К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
 К Диане бледной, к яростной Гекате
 Змеиные, непрожитые сны.

И сладостен, и жутко - безотраден
 Алмазный бред морщин твоих и впадин,
 Твоих морей блестящая слюда –

Лик Ужаса в бесстрастности эфира,
 Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
 Ты жадный труп отвергнутого мира!

15 июня – 1 июля 1913, Коктебель

O pearl unrivalled of the silent sky
 O sacred lamp of dreams, Mistress of births!
 Love's crystal! Altar of nocturnal vows!
 Empress of the waters! The fond wave's concubine!
 With urgent longing, from the mothering depths,
 to You, Luna, these deep-down things like flowers grow.
 To pale Diana, furious Hecate
 stillborn dreams, like snakes, awake and rise.

It fascinates, but leaves us cheerless,
 the diamond chaos of Your furious face,
 the shining mica of Your spectral seas --

The Face of Horror in the unfeeling ether!
 Frozen to a block of ice, You make your moan!
 O corpse insatiable of a world forlorn!

15th June – 1st July, 1913, Koktebel